

ЕЩЕ ОДНА МАЛОИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ НИКОЛАЯ АДОНЦА ПО АРМЯНСКОМУ ВОПРОСУ

По публикации Н. Акиняна в 1947 г. полного перечня трудов Н. Адонца¹ стало известно о его книге «К разрешению армянского вопроса», изданной в Лондоне в 1920 г. на английском языке². В 1984 г. профессором Дж. Киракосяном она была издана на русском языке³. До публикации П. Оганесяном малоизвестной статьи Н. Адонца «Турецкая нота и Турецкая Армения»⁴, напечатанной в петроградской газете «Новая жизнь» 24 мая 1918 г., господствовало мнение, что вышеуказанный труд — единственная работа Адонца, касающаяся Армянского вопроса⁵.

Однако в последнее время была обнаружена еще одна статья Адонца, а именно, «Армянский вопрос и Германские планы», написанная выдающимся ученым сразу же после подписания Брестского мира. Она была издана в престижном общественно-политическом журнале «Международная политика и мировое хозяйство»⁶. На наш взгляд, эта статья — одна из несомненно интересных и самобытных работ Адонца, не утратившая актуальности и ныне. Думаем, что публикацией этой статьи не исчерпывается богатое наследие Адонца, касающееся, в частности, Армянского вопроса. Надеемся на новые находки в разных архивах и на страницах журналов и газет, и не только на русском языке. Доказательством тому служит и статья Адонца «Проникновение курдов в Армению», напечатанная в 1920 г. в журнале «The new Armenia», издававшимся в Нью-Йорке.

Реакция Н. Адонца на Брестский мирный договор не случайна. Позорный для России, этот мирный договор сыграл роковую роль в судьбах армянского народа. Под диктатом Германии Россия обязалась возвратить Турции не только занятые по законам войны исконно армянские земли — Ванский, Битлисский, Эрзерумский и другие вилайеты, но и округа Карс, Ардаган, Батум. Сразу же после подписания договора турки ворвались в Закавказье, на армянской земле учинив погромы, разбой, насилие. Перед армянским народом стал вопрос: «быть или не быть».

Г. А. АВЕТИСЯН, чл.-корр. АН РА

П. О. ОГАНЕСЯН, канд. ист. наук

¹ Ն. Ադոնց, Ն. Ակնյանի Ն. Ադոնցի աշխատությունների ամբողջական ցանկը (Հանդես ամսագրի, 1947, № 5, էջ 311—318):

² N. Adoncz, Towards the Solution of the Armenian question. London, 1920.

³ См.: Н. Адонц, К разрешению армянского вопроса (Научно-информационный бюллетень Научного Центра по общественным наукам АН АрмССР. Арменоведение за рубежом, серия III, № 7 (72)). В 1989 г. книга вышла на армянском языке в переводе Б. Дилояна.

⁴ П. О. Оганесян, Малоизвестная статья Н. Адонца «Турецкая нота и Турецкая Армения» (Вестник общественных наук АН РА, 1990, № 4, с. 72—77).

⁵ См.: русский перевод работы, предисловие, с. 3; «Советакан Айастан», 1985. № 3, с. 12—13; «Советакан Айастан», 20. IV. 1989.

⁶ См. Журнал «Международная политика и мировое хозяйство», 1918, № 1, с. 3—17. В этом журнале были изданы статьи и других знаменитых ученых и политологов, касающиеся Брестского мира: С. О. Загорский, Чем грозит России «Германский мир» (1918, № 1, с. 17—52); Б. Э. Нольде, Политическая карта Брестского договора (1918, № 2, с. 3—13); М. И. Боголюбов, Конtribusiция (там же, с. 54); З. А. Валов, Батум и Карс (там же, № 2, с. 19—29).

АРМЯНСКИЙ ВОПРОС И ГЕРМАНСКИЕ ПЛАНЫ

С ратификацией мирного договора с Германией¹ армянский вопрос как будто уходит из рук России. Но было бы ошибочно думать, что он снимается с очереди: он вступает в новую фазу.

Россия, парализованная в активной деятельности, хотя бы временно, сходит с арены мировой политики, сходит в самый острый и ответственный момент истории; тем самым она отстраняется и от концерта держав по переднеазиатским вопросам, где еще недавно голос ее звучал столь внушительно.

Армянский вопрос служил для России тем рычагом, опираясь на который она в удобный для себя момент вмешивалась в великодержавную игру интересов и соревнований вокруг Турции. Преследуя свои цели, Россия оказалась неспособной выработать и усвоить определенную более или менее устойчивую точку зрения на вверенный ей историей вопрос, притом такую, которая сочетала бы интересы империи с чаяниями армянского народа, подготовив этим разрешение вопроса в историческом русле его развития. Между тем, минутные веяния, настроения и личные взгляды руководителей иностранной политики имели решающее значение в вопросе, который по своему значению требовал широкого кругозора для постановки и решения на прочном основании. В таких условиях от России трудно было ожидать искомого разрешения армянской тяжбы. В русском понимании и трактовке армянского вопроса не доставало самого существенного, а именно, сознания его важности; и потому понятно, что в должный момент она могла бы и отречься от него. Это и случилось, правда, в связи с трагическим кризисом, переживаемым Россией, но, по существу, это могло случиться и независимо от данной ситуации.

Россия выговорила реформы для Армении в 1878 г., но не настаивала на проведении их². Берлинские статьи³, вследствие равнодушия России, предполагаемой защитницы армян, обратились в источник новых бедствий. Турки, точно издеваясь над затеей Европы, ввели реформы по-своему: они реформировали разбой и бесчинства—образовали полки из курдов и расставили их в армянских центрах для охраны жизни и имущества армян...⁴ Русские не протестовали. Военные агенты посвятили много статей этому турецкому «казачеству» и успокоились, когда убедились, что оно, как боевая сила, не опасно России.

Но что армянская кровь лилась безмерно и беспрестанно, и временами загорались кровавые пожары, как в 1894 г., об этом те же агенты мало заботились.

Попытки русских армян помочь своим сородичам по ту сторону Аракса не только не встречали сочувствия со стороны русского правительства, но подавлялись с непонятной жестокостью. В армянских выступлениях в Турции русские усматривали, прежде всего, революционные акты и считали своим долгом подавлять их. В течение последних сорока лет тянулась непрерывная вереница армян, покидавших свои пепелища, чтобы искать спасения под чужим небом. Земли, дома и все имущество их доставались курдам и туркам при содействии турецких властей, которые смотрели на выселение и изгнание армян, как на радикальное средство постепенно обратить Армению в Курдистан и таким образом развязаться с Армянским вопросом.

Русские консулы и военные агенты, в позе смиренных зрителей, молчали и в своих конфиденциальных посланиях констатировали столь трагический для армян процесс превращения Армении в Курдистан с объективизмом, достойным лучшего применения. Когда же выдвигался

вопрос об армянских реформах, они готовы были удостоверить заявление турецких властей, что в армянских вилайетах армяне составляют ничтожный процент населения.

Накануне войны русская дипломатия искупила свои прошлые грехи, впервые выступив в Армянском вопросе стойко без традиционного шатания и колебания, и заговорила голосом, достойным державы, заступающейся за права народа, беззавестно ей преданного⁵. Но и тут армянам не повезло.

Разразилась мировая война. Армяне горько заплатились за свое тяготение и симпатии к России. Втянутая в войну Турция, в отместку за успехи русской дипломатии в Армянском вопросе, выразившиеся в назначении инспекторов⁶ в Армении по соглашению держав от 26 января 1914 г., подняла такое гонение на армян, что заставила забыть все ужасы, ранее веками выпадавшие им на долю. Армянское население в пределах армянских провинций и по всей Малой Азии частью было вырвано, частью насильственно выгнано из своих мест и угнано в пустынные степи Сирий и Месопотамии на произвол судьбы, где оно и поныне томится в физических лишениях и в нравственных страданиях.

Русские войска могли бы, бесспорно, уменьшить бедствия народа, но, к сожалению, по мере успеха русского оружия изменялось отношение властей к армянам и к Армении. Медленным продвижением и быстрыми отступлениями они лишь деформали разгром страны⁷. Когда же, наконец, понадобилось без больших усилий занять значительную часть Армении, то русские власти стали преследовать по отношению к остаткам армян такую политику, которая не только не отвечала восточным чаяниям народа, но и ничем не отличалась от турецкого режима и турецкого правосознания. Армянское крестьянство было ошеломлено действиями органов «великого христианского царя», на которого оно столетиями молилось⁸. А ведь нетрудно было понять, что страна, подвергшаяся ужасам войны в большей степени, чем Сербия и Бельгия, заслужила иной участи, иного отношения.

Россия опомнилась, наконец, но, увы, поздно—опомнилась лишь в печерный час своей великодержавной жизни. Армяне услышали долгожданный голос, который должен был раздаваться одновременно с прохотом пушек на границе Турции.

Декрет советской власти о самоопределении армян⁹ мог вызвать у армян лишь вздох облегчения, поскольку он является в их мнении актом исключительно морального порядка, лишенным всякого политического значения. Никаких чувств восторга в их сердцах по поводу декретного определения их судьбы нельзя было и ожидать, ибо армяне знали лучше, чем авторы декретов, что политические вопросы в нынешней обстановке решаются не путем благого, но немощного волеизъявления, а только давлением железной руки на ратном поле. Издать декрет и в то же время отозвать войска с фронта, значит одной рукой дать, другой—отнять. Декрет—это последняя и жалкая подачка нищему, чтобы отвязаться от него.

И вот, одинокие, без помощи откуда бы то ни было, с лоскутком бумаги в руках от великого своего покровителя, армяне стоят в тяжелом раздумье перед грозно поднятым над их головой мечом эрага. Куда же направить шаги в окружающем их беспросветном мраке?

Даром прошли вековые старания, надежды на могущественного соседа. Армянский вопрос возвращается вновь к первоначальному состоянию, армяне вновь у разбитого корыта. Империя падишаха, еще вчера трепетавшая перед грозным царем, вдохнув в свой гнилой труп

терзаемый дух, глумится над новой Россией и над ее освободительными порывами.

В то время, как мировая демократия в речах государственных деятелей и в резолюциях социалистических организаций¹⁰ требует отказа Турции от Армении, Турция не только не намеревается отречься от Армении, вырванной из ее рук силой оружия, но претендует еще на аннексию областей, давно отошедших от нее—Карса, Ардагана, Батума. Государство, которое еле дышит на пороге развала и держится только благодаря конкуренции держав—это бездыханное тело вдруг становится из жалкого объекта претенциозным субъектом захватнической политики.

Новая поза Турции не может быть оправдана ни ее физической силой,—ибо она разбита на всех фронтах,—ни соображениями о преимуществах турецкой культуры, всему миру известной. Ее открывают исключительно оружие победоносного соратника, расчеты на Германию. Это видно из аргументации, которой пытаются обосновать отторжение названных округов,—аргументации, поучительной для переживаемого момента и, в особенности, для российских деятелей.

Нам говорят, что «из Константинополя и из этих областей проникли в Берлин умоляющие просьбы местного магометанского населения о помощи против нынешних действий, которым оно подвергалось от зонских частей, русских или выдававших себя за таковых. Население это настойчиво просило турецкое и берлинское правительства, чтобы ему была дана возможность вновь присоединиться к Турции»¹¹. И вот, во исполнение воли населения, признается нужным, чтобы «названные округа были»¹¹ очищены русскими войсками и населению была предоставлена возможность, согласно объявленному русским правительством принципу самоопределения высказаться самому по поводу своей будущей судьбы», причем в согласии с соседними государствами (?) «в особенности с Турцией»¹².

Апелляция к праву самоопределения назидательна, повторяем, как яркий пример того, какое зло можно творить из самых благородных принципов.

Дело, конечно, не в том, что жалобы мусульман названных округов скорее сочинены в Константинополе,—ибо кому неизвестно, что русскую власть во всем можно подозревать, но только не в плохом отношении к мусульманам, не только русокоподданным, но и турецким. Недавние воззвания русских генералов на Кавказском фронте по адресу уходящих из занятых областей турок, демонстративные расстрелы невинных армян в угоду туркам, достаточны сами по себе для того, чтобы в этом отношении убедились даже в Константинополе и в Берлине.

Мы оставляем в стороне и вопрос о том, что в отторгаемых округах турки вовсе не составляют такого количественно сильного элемента, чтобы результат самоопределения в пользу Турции считать predeterminedным, как полагают турецкие дипломаты. По всеобщей переписи 1897 года—единственной надежной статистике—в Карсском округе население состоит из 134. 142 чел., из коих 20. 376 русских, 14. 805 греков, 46. 715 армян, 46. 870 мусульман (большой частью курдов)¹³. Значит, мусульмане составляют лишь треть населения. В Батумской области главный слой населения—сто тысяч аджарцев; они, правда, по религии мусульмане, по языку и происхождению—грузины. Вряд ли есть основание навязывать им турецкую ориентацию.

Но все это не важно. Мы готовы принципиально приветствовать применение права самоопределения даже в этих областях,—примене-

ние, конечно, не «в согласии с Турцией», а без всякого внешнего давления. Но почему те, кто подходят к водам Батума и к укреплениям Карса с принципом самоопределения, забывают это благородное оружие в отношении окровавленных стен Вана, Эрзерума, тех областей Армении, которые называются на дипломатическом языке турок «восточно-ана-толийскими» и очистка коих требуется от русских властей?

Вопрос, кажется, не праздный. Если мольбы мусульман Батума только ныне проникают в Берлин, то вопли и стенания армян от турецкого бесправия раздавались и раздаются не только в Берлине, а по всему миру. Если речь идет, действительно, о принципах, то как же Берлин оказался столь чувствительным к минутным жалобам кучки мусульман, несомненно, более благоденствующих в России, чем их сородичи в Турции, и в то же время остается глухим к агонии целого народа с вековой тяжбой, справедливость коей признана и Германией в числе многих других держав?

Германский канцлер граф Гертлинг¹⁴ в речи, произнесенной в рейхстаге 25 февраля, утверждал, что Германия признает возвышенный державами согласия принцип, что «все ясно выраженные национальные притязания должны получать как можно более полное удовлетворение без создания новых элементов вражды».

Заявление это не соответствует германской политике на Кавказском фронте. Кажется, что притязания армянского народа выражены более чем ясно, выражены не сейчас и не вчера. Столетиями взывают армяне к цивилизованному миру, столетиям кричат о тюремных условиях своего бытия в Турции. Все народности, жившие до владычества турок в иной и более правовой обстановке собственной культуры, давно вырвались из турецкого ада. Лишь армянский народ, несмотря на то, что он раньше всех поднял ропот, продолжает до сих пор изнывать под тяжестью невыносимого гнета.

Ни одна историческая проблема не имела столь трагической судьбы, как армянский вопрос. Державы, обступая Турцию, как стая воронов вокруг разлагающегося трупа, с жадной хваткой, считались с армянским горем по-своему. Все они—Франция, Англия, Россия, Германия—и каждая, в свою очередь, появлялись на армянском небосклоне печальной тенью какого-то злого гения, который завлекал армян обещаниями на высоты смелых надежд с тем, чтобы потом оттуда низвергнуть их в пучину отчаяния и гибели. Каждая из этих держав заступалась за армян, порой и искренне, но в результате каждая невольно выжимала из них очередную дозу слез, выпускала очередную струю крови...

Франция, мать свободы нового времени, в эпоху своего могущества вела себя в Турции так, что армяне вынуждены были порою защищаться против нее. В 1878 году Армения была освобождена, если бы не забота Англии о целостности Османской империи. В 1894 году погубил армянское дело своей политикой русский—князь Лобанов-Ростовский¹⁵.

Наконец, сейчас, когда в вихре мировой схватки народились новые принципы в строительстве судеб угнетенных народов,—принцип самоопределения, который дал бы армянам возможность выйти из лабиринта своего существования с развязанными руками для устройства собственной судьбы,—в это время мы застаем у выхода этого лабиринта Германию.

Неужели армянскому вопросу суждено вновь застрять на очередном мече, на этот раз—мече Германии? Где же справедливость, о которой германский канцлер говорил, как о должной основе мирового порядка? Почему армянам отказывают в праве самоопределения, приз-

наваемом—по крайней мере, на словах—тем же канцлером, как новый регулятор международных отношений?

Самоопределение армян, поскольку оно касается невозможности сожительства с Турцией, давно состоялось. Тому свидетели—залитая кровью Армения, сплошь усеянная трупами женщин и детей, беженская цепь живых, стоны гибнущих в степях Месопотамии и призраки умерщвленных, взывающих к небу, к совести человечества. Так за что же Германия грозит вновь загнать армян в лабиринт, эволютив, новый гвоздь в их гроб?

Перед Германией на общеевропейском дипломатическом столе лежит поблекшая от давности хартия армянской свободы. Под этой хартией имеется подпись Германии. Хартия не заключает в себе ничего другого, как минимум велений бодрствующей совести. Во имя этих велений Германия, созидательница великой культуры, должна укротить свою зарвавшуюся союзницу, должна заступиться за справедливость. Требование о возвращении Турции потерянных ею в бою армянских провинций ценой сотен тысяч жертв и жажда расширить площадь производства и бесправия отторжением новых земель должны быть отвергнуты, как вызов и надругательство над отовсюду льющимися армянскими слезами.

Суд истории, долженствующий наступить когда-нибудь, не сможет простить германской империи, что она повела турецкие молчища на беззащитную страну, дымящуюся еще кровью мучеников.

Позор—удел всех побед Германии, если она станет на путь мщения маленькому народу за то, что в борьбе за свое существование он оказался в лагере ее соперников. В коалиционном состязании за грандиозные достижения мирового масштаба привлечь к ответу и расчету маленький народ—значит совершать величайшее преступление. И было бы за что отвечать! Из всех народов, вовлеченных в водоворот войны, единственно армянский народ борется за то, что составляет элементарное право человека—за физическое существование в буквальном смысле слова. И борется он, имея на это все основания. Ни один из подвластных Турции народов не расходовал столько сил, сколько армяне, не понес столько жертв, сколько армяне, в стремлении создать мало-мальски сносный *modus vivendi*,¹⁶ найти присмлемую базу для мирного сожительства с Турцией.

Все средства исчерпаны. И путь оздоровления всего государственного механизма коренными реформами, и частичное преобразование армянских вилайетов—все оказалось безуспешно.

Остается только отстраниться от турецкого омота в какой угодно форме самоопределения.

Армянский вопрос, правильно понятый, не стоит преградой никому ни в чем. В постановке, даваемой самими армянами, он уживается с интересами любой из соперничающих держав, поскольку интересы эти требуют прежде всего водворения в Армении правового строя, основы всякой социальной жизни.

Политическая надстройка с уклоном в ту или другую сторону не является очередным вопросом, могущим встревожить армян. Они вперяли взор свой в Россию не в силу фатальной склонности своей к северу или мистического сродства душ. Русский свет был и остается единственной лампадой, мерцающей одиноко среди окружающей армян мусульманской ночи. Если наступит счастливый день, когда забрезжит новый свет с триумфальным шествием европейской культуры с юга, со стороны Сирии или Месопотамии, в лице западных государств, то Армения, естественно, перестанет озираться кругом с мольбой о помощи,

а сосредоточит всю свою энергию только на себе, на залечении своих ран, на восстановлении своих развалин.

Для Армении, бедной и темной, было бы большой роскошью пре-пирательство о сравнительных преимуществах европейских культур: для нее, бьющейся в конвульсиях, одинаково спасительна любая культурная опека, обеспечивающая твердый правопорядок,—русская ли, английская, французская или германская.

Русская ориентация, исторически сложившаяся, а потому очень правильная, не привела к разрешению армянского вопроса. Германские победы заставили Россию отказаться от Армении и грозят перевернуть традиционные перспективы не только насчет Армении, но и судьбы всего Закавказья.

Тревога дня для армян—что сулит сверкающий над Арменией новый меч?

Германия, как и другие державы Европы, заинтересованные в Турции, смотрела на Армению и Армянский вопрос, как на лишнюю гирию в чаше русских весов. Отсюда и вытекали равнодушие и противодействие, хотя бы пассивное, делу армянских реформ, обнаружившееся в особенности недавно по поводу соглашения 26 января 1914 года.

Подозрение со стороны европейцев в неуклонных русофильских тенденциях армян имеет за собой полное основание. Как политическое явление, тяготение армян к России—факт, не подлежащий спору. Но отсюда вовсе не следует, что это тяготение может быть поставлено в основу развития Армении или что оно может быть признано фактором, предпрещающим постоянное вращение Армении в орбите русского влияния. Пути развития Армении менее всего зависимы от воли армян, как бы сильно она ни была скована. Каждая страна пути своего дальнейшего развития включает прежде всего в себе, в своей от естества данной структуре, в объективных условиях географической среды.

Армения по природной своей конструкции обращена на юг, в географическом отношении—это нагорная крыша со скатом на юг, куда струятся ее воды, живительные нервы страны. Что Армянское нагорье тяготеет к югу, к Средиземному морю—факт, доказанный историей, создавшей армянскую Киликию¹⁷.

Как бы ни сложилась судьба Армении, несомненно, что в последнем результате она станет достоянием того государственного влияния, которое охватит ее с юга. Русский патриот, желая сохранить Армению в сфере русской государственности, вполне правильно должен был ратовать за изоляцию ее от берегов Средиземного моря, при невозможности так далеко распространить отечественное влияние без опасности столкнуться у Александретты¹⁸ с соперниками.

Свободная Армения, поставленная в нормальные условия жизни и развития, потянется ко своим политическими и иными стремлениями туда, куда ее увлечет экономическая тяга страны вслед за физическим, от воли армян независимым, ниспаданием страны к югу. С ответвлением Багдадской дороги¹⁹ в сторону армянского плато, судьба страны во всех отношениях и проявлениях будет регулироваться в связи и в непосредственной зависимости от этого пути, долженствующего стать главной артерией хозяйственной жизни всей Передней Азии.

Кому достанется необозримый юг Турции от Средиземного моря до Персидского залива,—ответ на это даст исход небывалого состязания претендентов. Пока что Германия водворяется в турецких владениях, от Босфора до Закавказья, на правах полновластного хозяина. В таком выгодном положении не находилась еще ни одна держава из числа тех, которые признавали необходимость коренного преобразова-

ния государственного аппарата оттоманов. Какие планы таит в себе германская политика по отношению к своей столь богатой добыче? От этого зависит судьба Армении.

Со взятием Одессы²⁰ и попытками дальнейшего продвижения в направлении к Ростову требование об отчуждении Батума представляется в новом свете и более германского, чем турецкого происхождения. Германия покуда старается довершить изоляцию России от морей, в данном случае, от Черного моря. Широко задуманные завоевательные замыслы Германии не могут остановиться перед соблазном создать вторую своего рода Багдадскую линию,—открыть параллельный ей путь сообщений от Берлина на Одессу, Батум, Баку и далее... с угрозой на Индию. План этот тем вероятнее, что новая линия могла заместить потерю Багдадской в случае, если с утверждением Англии и Франции на сирсирио-месопотамском юге Турции рухнут германские расчеты на Багдадскую дорогу.

У предусмотрительной Германии, несомненно, имеется готовый проект устройства не только Армении, но и всех земель, вместе с Арменией попадающих в ее руки, в ее распоряжение.

В чем заключается проект,—немецкая дипломатия пока не сообщает. О существовании его можно составить себе некоторое представление по брошюре, вышедшей в 1916 году в Цюрихе в серии изданий германской пропаганды, т. и. «Orient Publishing Company».

Брошюра озаглавлена «Грузия и война»²¹ (Georgia and War, by * * *). Автором ее выставляется грузин; если только он не фиктивное лицо, то, вероятно, из числа тех, кои еще не доросли до понимания и уважения основ добрососедских отношений и известной честности политической мысли.

В этом произведении предвосхищено отторжение Карса—обстоятельство, указывающее на германскую инспирацию как на источник. Вследствие этого книжка приобретает некоторое политическое значение, достойное внимания именно теперь, когда судьба Кавказа поставлена на карту.

Исходным пунктом суждений автора служит положение Грузии под русским владычеством. Грузинский народ обманут и раздавлен русским правительством. Договор 1783 г. на памяти у грузин²². События, приведшие к освобождению Грузии от мусульманского ига, поскольку повинны в них сами грузины, автор готов предать забвению в сознании политической ошибки своих предков. Забыто грузинским народом старое, и оно ни в коем случае не может служить помехой к заключению дружбы с персами и турками во имя достижения общего блага. Автор хочет быть уверенным в том, что друзья его из персов и турок поймут его, ибо он собирается говорить с ними искренне, согласно старой грузинской поговорке: «человек друзьям говорит правду в лицо, а врагам за их спиной». С таким мужеством автор приступает к изложению своего политического кредо.

Мировая война сулит политическое освобождение всем малым народностям. В частности, русско-турецкая война представляет для Грузии удобный момент стряхнуть русскую власть и вернуть себе потерянную сто лет назад независимость. Грузины понимают всю важность момента и протягивают руку Турции и ее могущественным союзницам, Германии и Австро-Венгрии, дабы низвергнуть Россию, эту страшную силу, которая держит в рабстве не только покоренные народы, но и самих русских. У автора есть вера, что все народности Кавказа сплотятся для изгнания русских.

Однако для того, чтобы турки не повторили ошибок русских и, отложив Кавказ, не включили его в число оттоманских провинций, необходимо заранее условиться на счет будущего строя кавказских земель.

Разумеется, нельзя отказать Турции в ее желании отобрать кое-что, и автор разрешает ей частичную аннексию прилегающих земель в возмещение за веденную ею войну. Но остальная и большая часть кавказской территории должна образовать свободную федерацию—единственно возможное разрешение кавказской проблемы.

Входящие в федерацию народности сводятся к четырем группам: грузины, горцы, татары и армяне. Автор останавливается на характеристике каждой из этих групп, причем блещет такой безшабашной развязностью, которая присуща разве только безответственным анонимным авторам.

Обрисовав далее политическое состояние Кавказа, автор высказывает уверенность, что туркам очень легко отвоевать Кавказ, раз главные народы, грузины и татары, станут на их сторону. Русское владычество не может продержаться, если эти народы подымут восстание. Турция, пожав готовые плоды, не должна увлечься примером русского управления. Прочность господства Турции может считаться обеспеченной лишь при условии автономии Кавказа на основе политической федерации.

Автор берет на себя труд набросать картину будущего строя Кавказского края. В случае победоносного исхода войны:

1) части Карсской области и Эриванской губернии отходят к Турции, как земли, населенные турками;

2) Закавказье получает государственную автономию, подобно Швейцарии, причем ее неприкосновенность гарантируется державами на вечные времена:

3) Грузия воскресает, как государство, в своих исторических границах от Абхазии до Трапезунда, а с востока—от Закатальского округа включительно. Армяне, желающие остаться в Грузии, как граждане, будут обеспечены в своих правах касательно церкви, языка и культуры;

4) татарам и армянам предоставляется право образовать смешанные кантоны при содействии посредников из соседней или европейцев;

5) горцы с Дагестаном в центре также получают автономный строй.

Проект политического возрождения Кавказского края заботливо иллюстрирован автором на особой карте, приложенной к книжке.

Появление брошюры с таким проектом в самый разгар мировой войны весьма показательна, и показательна не в отношении умонастроения грузинского народа. Что бы ни думали грузины о своем будущем, они очень далеки от мысли получить свободу из рук Турции. Может быть, в брошюре и отразилось в некоторой дозе настроение отдельных слоев грузинского общества—во всяком случае, ничтожных слоев, кивавшихся в подполье: газет плохой репутации, а не на открытой арене смелой политической деятельности, где подвизаются лучшие сыны Грузии, работающие за честь страны, за ее оборону против вторжения турецких полчищ.

Проект показателен в другом отношении. Он представляет большой интерес, если на него смотреть, как на продукт германского внушения. Вряд ли можно сомневаться, что здесь мы имеем дело с планами Германии. С самого начала войны германские власти по всему миру ведут широкую пропаганду для поднятия возможно более оппозиционных сил в лагере держав согласия. Было бы удивительно, если бы вездесущая немецкая рука не пыталась разжечь пожар в среде кавказских народ-

ностей, где накопилось столько горючего материала. Понятно также, почему для выражения немецкой мысли избраны уста грузина—действительного или мнимого, бескорыстного или наемного. Молва об якивании грузин с татарами раздувалась в последние годы друзьями и недругами Кавказа так немолчно, что немцы не были бы немцами, если бы не воспользовались и этим козырем. К только что изложенному проекту, несомненно, причастен германский дух.

Стоит только перенести на Германию все, что говорится в проекте о Турции, как об освободительнице кавказских народов, и тогда проект приобретает силу важного политического документа, заставляющего задуматься. Не есть ли это первоначальный набросок, грубый, еще необработанный абрис грандиозного плана, созревающего в тайниках германской Weltpolitik?²³ Может быть, действительно, Германии не чужда идея создать на рубеже Турции и России ряд мелких государств наподобие того, что предюлагается на югограничной полосе между Германией и Россией?

Целая серия спорных проблем, вплетенных в сложную сеть причин и целей войны, могла бы разрешиться в течение самой войны, не дожидаясь конца ее. Таким образом удалось бы постепенно отсечь территориальные пределы общего кровопролития, ограничить путем частичного разрешения сферы спорных вопросов и тем облегчить и ускорить его ликвидацию. Если коалиция держав согласится высказываться за автономное устройство Палестины, Сирии, Месопотамии, Армении, и Россия уже уступила Кавказу право самоопределения, то Германии, казалось, следовало бы поступать в том же духе и распространить принцип автономии не только на Карс и Батум, а на всю османовскую державами территорию турецкой окраины от армянского плоскогорья до Богдановских степей. Под «соседними государствами», согласно коих требуется при самоопределении отнимаемых округов, надо ли понимать ближайшие к ним из государств, имеющих еще возникнуть с благословения Германии?

Такое разрешение судеб стран, населенных не турками, а чуждыми им по происхождению и историческим заветам народностями, носителями старых культурных традиций, соответствовало бы стремлениям одной национальностей и пробуждающемуся самосознанию других и одновременно удовлетворяло бы притязания заинтересованных держав, при условии размежевания сферы политического или экономического их влияния, и, на худой конец, Турции. Мир приветствовал бы такой результат войны, как должное искупление пролитой крови. И обширные страны от моря до моря, очаги древних культур, возродились бы к жизни, достойной их прошлого, и под лучами западной гражданственности выращивали бы новые плоды.

Но так ли думают державы-конкуренты, или надо признать, что, когда они говорят одно и то же, то это не значит одно и то же? Может быть, речь идет о старом споре, чей меч будет висеть над этими странами? Все не ясно, все еще покрыто туманом. В этом тумане Армения видит лишь ясно очерченную фигуру германского Януса: один лик шепчет освобождение угнетенных народностей, а другой—взирает спокойно на вторжение, им же руководимое, турецких громил в раздавленную и униженную страну сирот и беженцев. Армянский народ онемел от неожиданностей, от капризов судьбы. Россия, путеводная звезда, исчезла с горизонта, обманув все надежды, покинув армян «на костре, как траву или куст сухой», а Германия, грозит ли она «храмы божии круша, возносить знаменье луны», как сокрушается в отчаянии армянский поэт²⁴ из глубины XIII века?

Н. АДОНЦ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н. Адонц имеет в виду договор от 3 марта 1918 г. заключенный в Брест-Литовске между Советской Россией, с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией—с другой.

2. Речь идет о 16 пункте мирного договора, заключенного между Россией и Турцией в Сан-Стефано 19 февраля 1878 г. По этому договору Турция обязывалась провести реформы в Западной Армении, а Россия стала бы официальным опекуном армянского народа.

3. Имеет в виду 61 пункт принятого Берлинской конференцией договора, состоявшейся с 1 июня по 1 июля 1878 г.

4. Речь идет о так называемых курдских конных полках «Гамидие», созданных Абдул Гамидом II, в 1891 г. сыгравших главную роль в осуществлении армянских погромов 1894—1896 гг.

5. Имеет в виду первостепенную и важную роль России во время подготовки армянских реформ 1913—14 гг.

6. По русско-турецкому соглашению от 26 января 1914 г., 7 вилайетов Западной Армении разделяются на 2 сектора, руководство которыми передается в дальнейшем общим инспекторам Гоффу и Вестененку.

7. Подразумевает отступление русской армии 16 июля 1915 г. «по тактическим соображениям» и др. отступления, в результате которых царские войска оставили часть завоеванных территорий. Оставшиеся в живых от прежних погромов армяне подверглись новым разбоям. В результате необъяснимых отступлений царской армии погибло множество людей, были разгромлены Ван и Алашкерт.

8. Завоевав Западную Армению, Российская военная администрация создавала множество препятствий для возвратившихся армян, даже был запрещен их въезд в Карин. Русским командованием были расформированы армянские добровольческие отряды. С другой стороны, были вооружены курдские банды, якобы для борьбы с турками.

9. Речь идет о декрете Совнаркома Советской России о Турецкой Армении, принятом 29 декабря 1917 года.

10. Н. Адонц имеет в виду I-Циммервальдскую (5—8 сентября 1915 г.) и II-Кинтальскую (февраль 1916 г.) международные социалистические конференции (см.: Циммервальдская и Кинтальская конференции. Офиц. документы, Л.-М., 1924, с. 25, 53—54).

11. Приведенная Н. Адонцем цитата принадлежит посланнику Розенбергу, руководителю немецкой делегации в Брест-Литовске на третьем этапе переговоров, выступившему 1 марта 1918 г. при открытии заключительного этапа мирных переговоров (Мирные переговоры в Брест-Литовске. Стенограмма, М., 1920, с. 215).

Выступая в этом духе, Розенберг выполнил требование Вильгельма II, высказанное 13 февраля 1918 г. в Гамбурге на заседании с участием имперского правительства : Верховного главнокомандования: «Мы должны оказать помощь эстонцам. Призывы прибалтов о помощи должны быть призывами о помощи против разбойников. Тогда мы должны помочь (автоматно, турки в Армении)» (Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до Рапалльского договора. Сборник документов Министерства иностранных дел СССР и Министерства иностранных дел ГДР. т. I, 1917—1918. М., 1968, с. 326—327, док. № 134).

12. Имеет в виду ст. 4 мирного договора. Она гласила: Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии, их правомерное возвращение Турции. Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно будут очищены от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит их населению возможность установить новый строй с согласия соседних государств, в особенности с Турцией. [Стенографический отчет IV Чрезвычайного съезда рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, М., 1920,

с. 135). Более унизительным был русско-турецкий дополнительный договор, подписанный в тот же день (там же, с. 147)].

13. Приведенные данные относятся к Карсскому округу, а не области, которая имела в это время 296054 жителя. В Карсском округе проживало не 134, 142, а 135. 142 чел. Нельзя согласиться с утверждением автора, будто перепись населения 1897 г. — единственная достоверная статистика по Карсскому округу. Ценны и достоверны и другие статистические данные, к примеру, «Обзор Карсской области за 1912 год» (см. «Кавказский календарь» за 1917 г.) «Статистический справочник о населении Закавказья», Баку, 1914 г. (на армянском языке).

14. Граф Гертлинг — рейхсканцлер Германии (25 октября 1917—3 октября 1918). В жизни страны важной политической роли не играл. Вся власть была сосредоточена в руках военщины, особенно выделялись П. Гинденбург, Э. Людендорф. В переговорах в Брест-Литовске — еще и Э. Гофман.

15. А. Б. Лобанов — Ростовский (1824—1896) — русский дипломат, министр иностранных дел (1895—1896). Отличался своими протурецкими взглядами и политикой.

16. Полат. — образ действий.

17. Имеет в виду Киликийское Армянское государство (1080—1375).

18. Александретта — город в исторической Киликии, теперь — в Турции (Искендерун).

19. Багдадская железная дорога, связывающая Босфор с Персидским заливом (2400 км). Строительство железной дороги было осуществлено под контролем Германии.

20. Австро-германские войска захватили Одессу 13 марта 1918 г.

21. *Georgia and War*. By Zurich Orient Publishing Company 35 Bahnai strasse 1916. Была опубликована также на немецком и французском языках, состоит из 62 страниц, пяти глав, четырех приложений, одной карты — с границами будущей Грузии.

22. Имеется в виду договор, заключенный в Георгиевске (Сев. Кавказ) 24 июля 1783 г. между Россией и Грузией. Царь Ираклий II принял протекторат России и отказался от самостоятельной политики.

23. По-немец. — мировая политика.

24. Строки принадлежат поэту XIII в. Фрику.